

УДК 94(=16):373.3 "1941/1945"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/55/14

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРСКОЙ ПРЕССЫ)*

А.О. Степнов¹, С.Ф. Фоминых²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: brothe.numb1@gmail.com

²E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Авторское резюме

На материалах периодической печати Сибири и архивной документации исследуется процесс инфильтрации национального дискурса, русского (шире – славянского) мифа в историческую политику СССР времен Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Подчеркивается, что данная трансформация имела как ситуативные предпосылки, связанные со стратегической ставкой руководства Советского Союза на славянское единство в борьбе с нацистской Германией, так и психологические истоки, апеллирующие к глубинным архетипам национального самосознания. Интеллектуальный потенциал Северной Азии, равно как и всей страны, был мобилизован в «школу воспитания народных масс». Это позволило направить вектор политики памяти на неоромантическую репрезентацию русской нации и славянских народов в целом с точки зрения исключительных качеств его представителей, противопоставления славянского и германского миров, возрождения культа национальных героев. Подобные тенденции нашли свое отражение в газетных публикациях, посвященных героическим страницам русской истории (Ледовое побоище, борьба с иностранными захватчиками в период Смуты, Отечественной войны 1812 г., Первой мировой войны и т. д.), а также фигурам Александра Невского, Дмитрия Донского, М.И. Кутузова и др. Отмечается, что исключительность русской нации была противопоставлена этнокультурным традициям народа германского. Вместе с тем политика

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

памяти времен войны отмечена глубинным противоречием между репрезентацией Германии как этногенетического врага славян и попыткой сохранить советский интернациональный взгляд, равно как и милосердие к народу, пораженному «чумой». Данное противоречие имело свое измерение и в общей эклектизации исторической политики, с одной стороны, обращенной к исконным национальным символам, а с другой – сохранившей традиционно советскую лексику, риторику и символику, что в конечном итоге вылилось в примат гордости за народ, избранный не только для освобождения мира от нацизма, но и для совершения Великой революции 1917 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., историческая политика, политика памяти, национальные дискурсы, славянский мир, русская нация, Германия.

NATIONAL DISCOURSES OF SOVIET HISTORICAL POLICY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945 (BASED ON SIBERIAN PERIODICALS)*

A.O. Stepnov¹, S.F. Fominykh²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: brothe.numb1@gmail.com

²E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Abstract

The article studies the infiltration of the national discourse, the Russian (wider – Slavic) myth into the USSR historical policy during the Great Patriotic war of 1941–1945 as reflected in Siberian periodicals and archival documents. It is emphasized that this transformation had situational preconditions related to the strategic choice of the Soviet Union for Slavic unity in the fight against Nazi Germany as well as psychological origins, appealing to the deep archetypes of national consciousness. The intellectual potential of North Asia as well as that of the whole country was summoned up as the “school of mass political education”, which brought about the revived cult of national heroes and the neo-romantic representation of the Russian nation and the

* The results have been achieved as part of the government assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Project 33.1687.2017/4.6.

Slavic peoples as having exceptional qualities and opposed to the German world. Such trends were reflected in newspaper publications devoted to the heroic pages of Russian history (the Battle on the Ice, the struggle against foreign invaders during the Time of Troubles, the Patriotic War of 1812, World War I, etc.) as well as to Alexander Nevsky, Dmitry Donskoy, M.I. Kutuzov and others. It is noted that the exclusivity of the Russian nation was opposed to the ethno-cultural traditions of the Germans. At the same time, the politics of memory in the war period shows a deep contradiction between the representation of Germany as of an ethnogenetic enemy of the Slavs and an attempt to preserve the Soviet international view and mercy to the people affected by the "plague". This contradiction can be seen in the general eclecticism of historical policy, which, on the one hand, appealed to the primordial national symbols and, on the other hand, preserved the traditional Soviet vocabulary, rhetoric and symbols, which ultimately resulted in the primacy of pride for the people chosen not only to liberate the world from Nazism, but also to carry out the Great Revolution of 1917.

Keywords: Great Patriotic War, historical policy, politics of memory, national discourses, Slavic world, Russian nation, Germany.

Одной из заметных тенденций современной историографии новейшей отечественной истории является исследование политики памяти о Великой Отечественной войне, а также ее влияния на массовое сознание россиянина. Вместе с тем и непосредственно период войны стал вехой в развитии самого явления «исторической политики», которая в те годы заставила власть и народ вспомнить о собственном национальном самосознании, об истории славянского единства и русской нации, о ее «вековой борьбе с немецкими захватчиками».

Известное положение, согласно которому история полна лейтмотивов, – положение, успевшее войти в разряд трюизмов, – в исследуемый нами период приобретает особое звучание. Так, в статье, посвященной Отечественной войне 1812 г., лектор Томского горкома ВКП(б), кандидат исторических наук доцент Томского государственного университета Р.Е. Кугель писал о «единственно правильной» тактике Барклай де Толли по отступлению в глубь страны; о «ложных надеждах» крестьян на то, что «буржуазный император Наполеон I освободит их от помещичьей кабалы»; о том, как, несмотря на эти быстро рассеявшиеся иллюзии, французский император встретил в России ту силу, которая «вскоре положит конец его могуществу», – «силу русского народа». Эта статья была опубликована в томской газете «Красное знамя» 29 июня 1941 г. (Кугель 1941). Впереди была война, во многом проходившая путями 1812 г.

В предлагаемой вниманию статье мы обращаемся к истории реанимации в период Великой Отечественной войны на страницах сибирской прессы, газет «Красное знамя» и «Советская Сибирь», русского (шире – славянского) мифа, его встраивания в конструкт транснациональной советской идеологии.

Говоря об исторических предпосылках генерирования нового подхода в системе советской пропаганды и исторической политики времен Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., нельзя обойти вниманием то значение, которое в них отводилось конструкту славянского единства. «Нападая подло, предательски на страну Советов, – отмечалось летом 1941 г. в статье "Правды", перепечатанной затем на страницах новосибирской газеты "Советская Сибирь", – фашисты мечтали, что им удастся изолировать СССР, что им удастся подавить украинский, белорусский, русский и другие народы Советского государства, как они подавили в Европе народы Чехословакии, Польши, Югославии...». И далее: «В едином антифашистском фронте призван сыграть большую историческую роль союз славянских народов. В нем участвуют уже великорусский, украинский, белорусский народы, народы Чехословакии, Польши, Югославии. Народы всех славянских земель с оружием в руках поднимаются на борьбу против фашистских поработителей» (Советская Сибирь 1941а).

Преодолевая то геополитическое одиночество, в котором нередко в истории своей оказывалась Россия, советское руководство, преследуя идеологические цели, сделало стратегическую ставку на славянский аспект, на единство исторически родственных народов. Любопытно при этом отметить, что если военный триумф СССР 1945 г. сегодня выстраивается прежде всего как «Победа советского народа», то в конце войны он нередко концептуализировался в качестве «Победы содружества славянских народов в исторической борьбе с их извечным врагом».

Не в последнюю очередь продвижению славянского фактора должен был служить состоявшийся в студии радиокомитета в Москве 10 и 11 августа 1941 г. Первый всеславянский митинг. Открыл его своим обращением А.Н. Толстой, известный своей пламенной патриотической публицистикой времен войны.

Это событие, неоднократно повторявшееся в период Великой Отечественной войны, получило характерное освещение как в центральной, так и региональной прессе, выводя на первый план не столько социально-экономические и политические уклады, разделившие славянские народы после 1917 г., сколько «общую задачу борьбы против злейшего врага». Как было не вспомнить о «великой исторической роли, выпавшей на долю» славян – и в особенности

«самого могучего и самого многочисленного из славянских народов – русского народа» (Советская Сибирь 1941a)?

Летом 1941 г. перед внутренним взором читателей сибирской прессы предстала картина заключительного заседания всеславянского митинга, кульминацией которого стало воззвание «Ко всем угнетенным славянским народам мира». Ментальное кольцо в перспективе славянского братства было очерчено символическим актом: в тот день это воззвание на своих родных языках читали русский писатель А.А. Фадеев, украинский писатель А.Е. Корнейчук, народный поэт Белоруссии Я. Купала, польская писательница В. Василевская, чехословацкий историк и общественный деятель З. Неedly и др. В газете «Советская Сибирь» отмечалось: «Слова воззвания станут боевым знаменем, с которым подымутся и объединятся на смертный бой со своим заклятым врагом – германским фашизмом – поляки, чехи, словаки, закарпатские украинцы, сербы, черногорцы, словенцы, хорваты, болгары, македонцы и весь многомиллионный славянский мир» (Советская Сибирь 1941b). В последующих выпусках газеты подчеркивалось, что воззвание пробудило «восторженные отклики во многих городах Польши» (Советская Сибирь 1941c); что 14 августа на стенах, витринах и воротах домов Кракова были расклеены листовки с полным текстом воззвания; что дошло оно до самых отдаленных уголков Польши (Советская Сибирь 1941d). Родовая этническая память просыпалась в глубинах сознания, а эффект от новой исторической политики давал свои первые плоды.

Здесь мы имеем основание перейти от ситуативности в предпосылках к иным аспектам, связанным с глубинными механизмами воздействия на сознание современников, с техникой массовых психологических манипулятивных технологий. Дело в том, что категория «советского народа» и «борьбы за дело всего прогрессивного человечества», безусловно, была более предпочтительной в контексте более чем двух десятилетий развития советской пропаганды. И она имела свое хождение в прессе, в особенности в первые месяцы войны. На страницах сибирских газет мы встретим пассажи и о «беспримерной храбрости воинов Красной армии», и о «лучших качествах советских людей – высоком гражданском мужестве, бесстрашии, самоотверженности, высокой идейности, неисчерпаемой вере в победу нашего правого дела», и о «пламенном патриотизме на трудовом и научном фронтах». Вновь звучали речи о «социалистическом соревновании», о «сплоченности вокруг партии Ленина-Сталина», о «чувствах и мыслях трудящихся всех стран». «Пламя патриотизма ярко горит на нашей земле», – отмечалось в очерке, опубликованном в «Красном знамени» (Красное знамя 1941a). Однако перед нами возникает закономерный

вопрос о том, какие смыслы вкладывались в понятие «Наша земля». Обладал ли «победивший социализм» перед лицом «фашистских извергов» достаточным ментальным ресурсом для сопротивления? Наконец, под влиянием какой идеи требовалось пробудить силы в великом народе, призванном заставить врага «пожать ядовитую жатву своих злодеяний»?

Оставляя эти дискуссионные и подчас рискованные вопросы открытыми, мы обратимся к развернутому комментарию, опубликованному 31 июля 1941 г. в «Правде» и затем перепечатанному в сибирских газетах, по поводу подписания в Лондоне правительствами СССР и Польши соглашения о восстановлении дипломатических отношений и «о совместной борьбе против гитлеровской Германии». Здесь автор комментария предпочел обратиться к иной категории и иному дискурсу – «Великому русскому народу». «Это соглашение, – отмечалось в комментарии, – открывает перед польским народом... великую перспективу его возрождения, возрождения его творческих сил, перспективу восстановления его национальной государственной независимости и самостоятельности» (Красное знамя 1941b).

Пришло время и для возрождения исконного русско-славянского мифа, возрождения истории о великом народе. М.Ю. Досталь, исследуя процесс трансформации советской историографии славяноведения в период Великой Отечественной войны, делала акцент на «определенном» влиянии романтических тенденций на историческую мысль того времени. Подчеркивала она и ту роль, которую в этом сыграла пропагандистская «идея славянской солидарности», усилившая «патриотическую ангажированность» историков (Досталь 2002: 314).

Неоромантическая линия проходит через историческую политику СССР военного времени. Память прошлого окрасилась в цвета русской исторической мысли из палитры XIX в. Это и идея противостояния двух миров – германского и славянского, и мысли об особых качествах славян, и культ национальных героев. Память возрождалась под пером лидеров мнения: писателей, ученых, общественных деятелей, чья публицистика в интерьерах «красной державы» оказалась обращена к архетипам примордиального этнического сознания, к тому, что некогда было приговорено к вымиранию.

Закономерно, что реализация этой линии, претворение в жизнь нового проекта массового сознания требовали особого метода, мобилизации дисциплинарного корпуса пропаганды и просвещения, «рожденных в огне священной войны против фашистско-германского зверя». «Сейчас не время швейков, – отмечал упомянутый ранее профессор Неедлы в своем выступлении на первом всеславянском митинге. – Так можно было бороться против гнилой Австрии. Немец-

кий фашизм страшен: никакое оружие не будет слишком твердым, слишком острым, слишком тяжелым против него... Как говорили некогда табориты: теперь не время милосердия, а время кары и грозной расплаты» (Советская Сибирь 1941а).

В годы войны в Томске все более широкую публику собирали лекторы в залах и аудиториях вузов, в красных уголках, всюду, где, как выразился профессор-историк Э.Н. Ярошевский, эвакуированный из Москвы в Томск в сентябре 1941 г. и занимавший должность заведующего кафедрой истории народов СССР Томского университета, «звучит правдивое слово большевистской агитации и пропаганды». Организованный в этом сибирском городе воскресный лекторий для вузовской и рабочей молодежи своим предназначением имел «в яркой, доступной форме и вместе с тем на высоком теоретическом уровне» освещение «важнейших событий многовековой и героической истории». Тот же Ярошевский писал: «На наших лекциях и беседах должны ожить и засверкать перед аудиторией имена героев Великой Отечественной войны, великих полководцев прошлого, великих деятелей науки, искусства и литературы... Пусть эти имена станут еще ближе и роднее нашей молодежи. Пусть чувство гордости за свой великий народ и беспредельная любовь к матери-Родине растут и крепнут» (Ярошевский 1942а). Сам профессор Ярошевский, находясь в Томске, в ноябре 1941 г. организовал выставку на тему «Семь веков героической борьбы славянских народов против немецкой агрессии» (Фоминых 1998: 495). Его лекции пользовались популярностью у студентов (Красное знамя 1941с). Особое внимание уделялось пропагандистской работе и в рамках деятельности Томского комитета ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время – одного из крупнейших в Северной Азии органов по координации научной деятельности времен войны. В его составе функционировали комиссия по работе с научной молодежью под председательством профессора-медика С.А. Адамова, бюро по технической пропаганде во главе с профессором-физиком М.А. Большаниной (ЦДНИ ТО 1: 208). Комитет работал как аппарат по организации массовых собраний ученых и студенчества, массовых научных заседаний, в т. ч. посвященных годовщине со дня смерти академика И.П. Павлова в 1944 г. и «вылившихся в демонстрацию огромной революционизирующей роли русской науки» (ЦДНИ ТО 2: 9 об.).

Дух новой политики памяти с традиционно русскими оттенками был отражен в статье «К работникам исторического фронта!» (1941 г.) за подписью местных и эвакуированных в Томск историков: профессоров Э.Н. Ярошевского, А.И. Неусыхина, К.Э. Гриневича и др.

Ключевым в ней стал акцент на тенденциозной, с точки зрения современной исторической науки, установке – необходимости создания «великой школы воспитания народных масс» из источника «героической истории нашего народа». «В план научно-исследовательской работы, – отмечали историки, – мы включили темы, посвященные многовековой героической борьбе нашего народа с германской агрессией... борьбе славянства с фашизмом. ...Мы стремимся уделить максимум внимания военному прошлому нашего народа и его нынешней священной войне с фашистскими бандами» (Ярошевский, Неусыхин, Гриневиц 1941).

В годы войны положения эти нашли реализацию в статьях упомянутого Р.Е. Кугеля, преподавателя Д. Вильнина, заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Томского медицинского института В. Федорова, в серии развернутых исторических очерков профессора Ярошевского, посвященных Александру Невскому, Дмитрию Донскому и М.И. Кутузову, в отдельных выступлениях томских ученых, большинство из которых не принадлежали к числу гуманитариев.

Обращаясь к русской истории, ученые и пропагандисты балансировали между приоритетом масс и героикой их предводителей в периоды столкновений с татаро-монгольским игом, польскими и шведскими пришельцами, армией Наполеона, наконец, со «старыми и исконными врагами русского, украинского и белорусского народов – немецкими захватчиками» (Ярошевский 1942b). Интерпретация Отечественной войны 1812 г., с точки зрения противостояния объединенной армии Европы и народных масс России, «поднявшихся на войну» против Наполеона, принадлежит, в частности, Кугелю. «Нельзя подавить народ, – писал он, – нельзя его закабалить – вот чему учит Отечественная война 1812 года» (Кугель 1941).

Более последовательное изложение эта мысль получила в просветительских газетных публикациях профессора Ярошевского. Он обращается к корпусу уникальных черт, отличающих русского человека, «который дал миру на протяжении веков великие образцы героизма, бесстрашия и стойкости в боях за родную землю». Профессор восклицал: «Сколько славных битв и победоносных сражений, где русская удаля, бесстрашие и доблесть развернулись с невиданной силой и блеском!» (Ярошевский 1941a).

В то же время Ярошевский обращается и к пассионарным образам русской истории, государственным лидерам и полководцам, в ряду которых, по его мнению, как «великий борец за независимость родной земли» «одним из первых встает перед нами героический образ Александра Невского» (Ярошевский 1941b). Профессор писал: «Бессмертным стал и образ Дмитрия Донского, поднявшего знамя на-

ционального освобождения Руси и разгромившего в день 8 сентября 1380 г. непобедимую до этого монгольскую конницу. Жива в народе память о Минине и Пожарском. ...В дни священной Отечественной войны народ с чувством гордости и безграничной веры вспоминает великие битвы своей героической истории. Вспоминает народ своих великих полководцев Александра Суворова и Михаила Кутузова, чьи имена сверкают в веках как символ воинской доблести...» (Ярошевский 1942b).

Тот же баланс народа, исключительных качеств его представителей и героев соблюден в газетной статье профессора-филолога С.Г. Лаврова, посвященной жизни и творчеству Л.Н. Толстого. Так профессор отзывался о «Севастопольских рассказах»: «Каждая страница этого замечательного произведения говорит о высоких патриотических чувствах и неустрашимой воле русской армии к борьбе захватчиками». Тема героев нашла органичное развитие в бессмертном романе-эпопее Толстого: как отмечал Лавров, в «патриотических образах русского народа и его армии: Кутузова, Багратиона, Дениса Давыдова...» (Лавров 1942).

Безусловно, газетные публикации ученых, в первую очередь историков и филологов, носили не научный, но просветительский и пропагандистский характер, все же отражая в общих чертах уровень исторического знания того периода. Не станет открытием, что для современного историка картины Ледового побоища, Куликовской битвы, Бородинского сражения, а также того социального контекста, который наполняет историческим содержанием эти события, встраивают в континуум отечественной истории. Картины, написанные историками эпохи противостояния Великой Отечественной войны, вызовут в лучшем случае чувство скепсиса. Вместе с тем, по всей видимости, именно необходимость исторического воспитания масс сделала эти картины столь яркими и контрастными, на долгие годы определив наше временами превратное восприятие своего прошлого, которое стало ментальным спутником и двигателем вдохновения «героев и борцов» мировой войны «на борьбу и победу» (Ярошевский 1941с). Пристрастность эта развивалась в определенном русле и апеллировала к источникам национального самосознания, к русскому дискурсу.

Характерной чертой нового течения в обращении с массами стало и возвращение «исконной» национальной лексики, актуализировавшей религиозные символы, доблесть русского народа, державность, а также метафорику «народа-богатыря». Последняя метафора была своеобразным ключом, ставшим традиционным для газетной риторики исследуемого периода. Наряду с упомянутыми историками, с передовицами местных и центральных газет данный оборот исполь-

зовался, к примеру, профессором Томского индустриального института И.Н. Бутаковым (Бутаков 1944) и др.

Временами даже сугубо информативные сообщения, заметки, статьи ученых содержали подобные символические триггеры, указания на русские аспекты бытия и сознания. Репрезентация войны как борьбы «русского народа» против захватчиков имеется в публикациях Б.И. Лаврентьева, С.Г. Лаврова, А.А. Заварзина. Профессор-физик, основатель Сибирского физико-технического института В.Д. Кузнецов в 1942 г. предварил свой газетный отчет о работе ученых в военное время фразой о «нападении кровавого Гитлера на священные границы нашей Родины» (Кузнецов 1942). Категорию «русской земли» мы встретим и в риторике академика Тарле и др.

Рельефное освещение тенденция «русификации сознания» сообщества ученых Сибири нашла в речи «старого» томского профессора Н.И. Карташова, печатный вариант которой, «Священный долг ученого», был опубликован в «Красном знамени». Будучи из числа тех ученых, которых в жаргонном стиле того времени называли «бывшими», он уже как советский ученый эклектично воплотил в своей речи как символы и элементы советской партийной культуры, так и понятия, восходящие еще к дореволюционной эпохе («держава», «Отечественная война»), а также, что особенно любопытно, элементы религиозного звучания, проявившиеся как в самом заглавии обращения, так и в его содержании: «поприще ученого», «вера в силу и доблесть своих сынов» и т. д. (Карташов 1941).

Историческая школа воспитания масс развивалась в русле диалогизации – репрезентации ментальности и истории русской нации в контрасте с этнокультурными традициями народа германского. Это противопоставление этнокультурных идентичностей двух народов стало одним из ключевых на арене артикуляции массового сознания, что проявилось не только на страницах сибирских газет, но и в публичных лекциях историков. Одну из таких лекций эвакуированный в Томск профессор-медиевист А.И. Неусыхин посвятил вопросу о том, «существовала ли когда-нибудь “северная раса”» (Красное знамя 1941d).

Той же цели должна была служить подборка красноречивейших цитат русских писателей «о немцах». О тех самых немцах, которые, по словам Л.Н. Толстого, чья фигура, по замечанию С.Г. Лаврова, в дни войны «встает во весь свой гигантский рост» (Лавров 1942), «самоуверенны» и «противнее всех»; о немцах, по М.Е. Салтыкову-Щедрину, «самых бессердечных притеснителях русского рабочего человека», «безжалостных педагогах», «глупых администраторах», «злых, мстительных, снабженных вонючим самолюбием и злой па-

мутью». О немцах с «мертвой хваткой» (Н.А. Некрасов), с «дребезжащим горловым казарменным голосом, наглым смехом, похожим на кашель» (А.И. Герцен); о тех, за чьей «самодовольной физиономией сидит образцовый сознательный зверь» (Г.И. Успенский).

Следует отметить, что подборка данных цитат, составленная В. Хромовым и печатавшаяся на протяжении военных лет во многих газетах, с одной стороны, вполне корректна и не отличается наличием реплик героев или авторских ремарок из художественного творчества великих и выдающихся русских писателей. «Как мне здесь все ненавистно. Какие подлые немцы», – читаем мы выдержку из дневников Ф.М. Достоевского, написанных на немецком курорте. С другой стороны, как известно, писатели, равно как и все мыслители, нередко противоречивы в массиве своего литературного наследия, оставляя простор для самых различных субъективных интерпретаций своей жизни и мнений. Бесспорно, для знатока эпистолярного и публицистического наследия русских авторов вполне посильной окажется задача составления и благоприятных отзывов о великом немецком народе. Впрочем, цели конструирования памяти эпохи войны имели иную направленность, подчас не оставлявшую для читателя альтернативного выбора. «Если бы взбесившийся зверь мог говорить, – приводились в газете “Красное знамя” слова Горького, – то он непременно говорил бы языком Гитлера и Муссолини» (Красное знамя 1943а).

В ином свете предстала и история Первой мировой войны, и непростые исторические перипетии на Украине. Не отказываясь от «империалистической» сущности той войны, Д. Вильнин в своей газетной статье переместил ее в национальный контекст, и, поскольку солидарность с царским правительством в реалиях тех лет была утопией, центральной в интерпретации оказалась вновь романтическая контрверза германского и славянского миров. «Ограбленную и истерзанную Россию, – отмечал автор, – германские хищники в своих наглых мечтах отбрасывали далеко от Балтийского и Черного морей и ставили в рабскую зависимость от Германии. В итоге “высший германизм” торжествует над “низшим славянством”» (Вильнин 1941). Той же миссии порабощения одного народа другим в историко-пропагандистской сетке была подчинена «германская оккупация на Украине в 1918 г.». Германия же в свою очередь представляла как «злейший враг украинского народа» (Рябцев 1941).

Реабилитация русского национального дискурса сделала возможной газетную публикацию 1943 г. (после освобождения столицы УССР) академика А.И. Белецкого, эвакуированного в Томск из Киева. Его статья была посвящена этому «Великому городу» как купели русской

цивилизации. Белецкий отмечал: «Колыбель культуры трех братских народов нашего Союза – украинского, белорусского, русского... вновь раскрывает измученные, исплаканные глаза». Заслуживает внимания и живописное описание академиком Киева, очень славянское по лексике и историко-филологическим отсылкам: «Город Владимира-Красное Солнышко, город Ярослава Мудрого, воспетый былинами, прославленный русскими и украинскими поэтами от Державина до Пушкина, от Шевченко, Гребенки, Нечуя-Левицкого до Тычины, Бажана, Рильского – снова очищен от “силы поганой”, снова сияет прекрасной звездой среди городов нашей Родины!» (Белецкий 1943).

«Русский расцвет» в старейшем академическом центре Северной Азии – г. Томске не мог не обернуться историко-просветительской кампанией, в ходе которой фигуры Павлова, Мечникова, Сеченова, Тимирязева предстали как прежде всего «русские ученые», и «за границей», как отмечал профессор П.К. Анохин, «боровшиеся за достоинства русской науки» (Анохин 1942). «Русскую» актуализацию получили поэт Шевченко, баснописец Крылов, драматург Грибоедов и другие знаковые деятели русской – славянской культуры.

Особого внимания в контексте неоромантического дискурса в политике памяти удостоились фигуры русского романтизма, прежде всего крупнейший отечественный поэт-романтик Лермонтов. К 100-летию со дня смерти Михаил Юрьевич предстал перед читающей публикой «романтиком», но при этом «одним из самых земных поэтов». В «Советской Сибири» отмечалось в связи с этой знаменательной датой: «Он жаждал земных дел, в первую очередь, для той земли, которая является родиной, и своим творчеством утверждал, что быть верным сыном и патриотом своей родины – вот счастливая судьба и священное право человеческой личности» (Павлов 1941).

Гордость за богатое русское прошлое в искусстве, литературе, науке становится устойчивым трендом в газетной публицистике времен войны, в особенности заключительного ее этапа, когда сама история готовила почву для этой гордости. Отсюда вытекает и известная склонность к продвижению исключительности русского народа. На Втором всеславянском митинге, состоявшемся 4 и 5 апреля 1942 г. в Москве, прозвучала такая речь: «Фашисты ненавидят славянство, как ненавидят все, что одарено талантом, живой мыслью и благородными человеческими устремлениями. Я горжусь тем, что я русский. Я горжусь тем, что я славянин и принадлежу к племени, которое подарило миру таких талантов, как Пушкин и Лев Толстой. Я горжусь тем, что мои братья по крови, поляки, дали мировой культуре Мицкевича, что мои одноплеменники, сербы, создали эпос, на протяжении долгих столетий являющийся предметом восхищения всего культурного

человечества... Наше искусство ненавистно гитлерам и геббельсам, ибо оно сумело воспеть лучшие качества славянских народов – их беззаветную храбрость, их готовность к самопожертвованию во имя благородных идеалов, их пламенную любовь к Отчизне» (Советская Сибирь 1942). Эти слова прозвучали из уст Дмитрия Шостаковича, великого русского композитора.

Обратной стороной гордости становится ненависть к народу германскому, среди которого, как всем нам известно, также есть немало великих представителей. Знал это, конечно же, и Д.Д. Шостакович, среди любимых и почитаемых композиторов которого были Бах и Бетховен.

«Изверги», «бандиты», «каннибалы» – советский пропагандистский словарь времен войны хранит в себе немало красочных определений для этого народа. И все же на полотне истории Великой Отечественной войны и в конструкции исторической памяти русского человека того времени мы не найдем монолитного изображения, но непременно столкнемся с противоречием. На страницах «Советской Сибири» была напечатана речь немецкого поэта Иоганнеса Бехера: «Невыносимо горько – это особенно остро чувствуют все честные немцы, – что все эти ужасные преступления, что самая подлая, бессовестная ложь распространилась на немецком языке, что от имени Германии совершались поступки, жестокость которых далеко превышает все самое отвратительное, что знала человеческая история». И далее: «В сердцах всех честных немцев нет места никакой расовой ненависти. ...Если бы немецкий народ был свободным, он никогда не дал бы использовать себя ради такого кровавого безнадёжного мероприятия» (Советская Сибирь 1941b). Быть может, принадлежность этих слов немцу могла бы стать поводом заподозрить пристрастность, если бы схожие мысли не звучали в нередко тиражируемой на протяжении всех военных лет речи главного человека в СССР – Сталина. «В этой войне, – подчеркивал он, – мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками» (Красное знамя 1941b).

Той же позиции придерживался в своей публицистике академик Е.В. Тарле, делая акцент на «фашистской», но не германской расе как главном враге в войне. И даже рассуждая о «творчестве» «полуграмотного ефрейтора Гитлера и недоучек Розенберга и Геббельса», историк предпочел сослаться на надежное мнение большого немецкого писателя и антифашиста Генриха Манна (Тарле 1941), чем в очередной раз подчеркнул разрыв между фашизмом и Германией – между болезнью и ее несчастной жертвой.

Здесь сходятся возрожденное чувство национальной исключитель-

ности и обманчивая ненависть: русские в поле исторической политики оказались избранными для освобождения немецкого народа от фашистского ига, от «чумы XX века».

Таким образом, концепция германского народа, сраженного «проклятием», контрастно сосуществовала с идеей Германии как этноисторического врага народов славянских, оставляя для нас это объективное противоречие как один из характерных признаков политики памяти времен новых «бури и натиска». Цепь этих противоречий продолжает и то, что процесс инфильтрации национального дискурса в систему пропаганды, как нам удалось убедиться, не носил абсолютного характера – весь период войны он сосуществовал с традиционно советской лексикой, риторикой и символикой. Это определило общую эклектизацию исторической политики. Борьба национальная подчас сливалась с борьбой классовой, а русский народ предстал как избранный для миссии освобождения, для миссии Великой Октябрьской социалистической революции. С.В. Бахрушин отмечал: «Можно с полным основанием сказать, что русский народ был и остается знаменосцем революции». И далее: «После Октября русский народ во всеуслышание провозгласил великие лозунги социалистической революции... Недаром всюду – в Европе и в Америке, в Азии и в далекой Австралии – слово “русский” является синонимом борца за свободу» (Бахрушин 1945).

Этот эклектизм нашел свое рельефное выражение в историко-символическом ореоле «города лучших традиций рабочего класса и передовой русской интеллигенции», города декабристов, революции 1905 г. и Великого Октября, города – родины русской науки, величественных архитектурных ансамблей и великих имен, «которыми справедливо гордится наша великая Родина». Так описывал свой родной Ленинград эвакуированный в годы войны в Томск А.А. Заварзин (Заварзин 1944). Город русского классицизма и в статье Ярошевского предстал как место, где «по-прежнему бьется пламенное и неукротимое сердце революции» (Ярошевский 1942с). И все же разорение Царского села в газетной реплике профессора К.Э. Гриневича оставалось прежде всего «преступлением перед русской нацией» (Гриневич 1944).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что от нашего взора не может уйти и положение, согласно которому дискурс национальной исключительности в некотором роде стал обратным отражением идеологии титульного врага Советского Союза в этой войне, – конечно же, без экстремального выражения этой исключительности в виде расовой гигиены. Можно утверждать, что именно экстремумы исторической политики СССР времен Великой Отечественной вой-

ны выступили вестником того, что в послевоенные годы выльется в крайние формы борьбы с космополитизмом.

В годы войны интеллектуальный потенциал Северной Азии наряду с интеллектом всей страны оказался мобилизован в школу воспитания масс, которая внедрила в систему пропаганды и исторического просвещения русские национальные дискурсы. Все же историческое зеркало героики русской истории и истории германского народа, представленное в сибирской прессе на протяжении всех военных лет, оказалось расколотым глубинным противоречием: между репрезентацией Германии как этногенетического врага славян и попыткой сохранить советский интернациональный взгляд, равно как и, вопреки наставлениям профессора Неедлы, милосердие к народу, погруженному в состояние безумия. Однако вне поля противоречий обращение к образам «русского» прошлого и славянского мира, без сомнения, стало одним из факторов мобилизации сознания в Великой Отечественной войне, подтверждением старой истины о том, что книга будущего подчас пишется пером исторического прошедшего – того, что мы назовем этим прошедшим.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин 1942 – *Анохин П.К.* Великий ученый (к 6-летию со дня смерти академика И.П. Павлова) // Красное знамя. Орган Томского горкома ВКП(б) и городского совета депутатов трудящихся (с августа 1944 г. – Томского обкома ВКП(б) и Областного совета депутатов трудящихся) (далее – Красное знамя). 1942. 26 февр.

Бахрушин 1945 – *Бахрушин С.В.* Русский народ – выдающаяся нация // Красное знамя. 1945. 11 июля.

Белецкий 1943 – *Белецкий А.И.* Слава тебе, великий город Киев – любимец наших народов! // Красное знамя. 1943. 8 нояб.

Бутаков 1944 – *Бутаков И.Н.* Внесем вклады в фонд победы // Красное знамя. 1944. 20 февр.

Вильнин 1941 – *Вильнин Д.* Разгром немецкой армии Вильгельма в период первой империалистической войны // Красное знамя. 1941. 27 июля.

Гриневич 1944 – *Гриневич К.Э.* Немцы за все ответят // Красное знамя. 1944. 28 янв.

Досталь 2002 – *Досталь М.Ю.* Славянская идея и славяноведение в годы Великой Отечественной войны // Славянский альманах. 2001. С. 304–319.

Заварзин 1944 – *Заварзин А.А.* Ленинград победил // Красное знамя. 1944. 11 февр.

Карташов 1941 – *Карташов Н.И.* Священный долг ученого // Красное знамя. 1941. 6 июля.

- Красное знамя 1941a – Пламя патриотизма горит ярко // Красное знамя. 1941. 31 июля.
- Красное знамя 1941b – Единый фронт свободолюбивых народов // Красное знамя. 1941. 2 авг.
- Красное знамя 1941c – Лекции историков // Красное знамя. 1941. 30 дек.
- Красное знамя 1941d – Лекция профессора Неусыхина // Красное знамя. 1941. 28 дек.
- Красное знамя 1943a – В записную книжку агитатора. Русские писатели о немцах // Красное знамя. 1943. 3 июля.
- Кугель 1941 – *Кугель Р.Е.* Отечественная война русского народа против Наполеона // Красное знамя. 1941. 29 июня.
- Кузнецов 1942 – *Кузнецов В.Д.* Работа томских ученых в военное время // Красное знамя. 1942. 25 окт.
- Лавров 1942 – *Лавров С.Г.* Патриотизм и защита Родины в произведениях Льва Толстого (к 32-летию со дня смерти) // Красное знамя. 1942. 26 нояб.
- Павлов 1941 – *Павлов Г.* Великий русский поэт (Заметки о Лермонтове к 100-летию со дня смерти) // Советская Сибирь. Орган Новосибирского обкома и горкома ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся (далее – Советская Сибирь). 1941. 27 июля.
- Рябцев 1941 – *Рябцев И.* Крах германской оккупации на Украине в 1918 г. // Красное знамя. 1941. 20 июля.
- Советская Сибирь 1941a – Все славяне на борьбу против общего врага! (Передовая «Правды» за 12 августа 1941 года) // Советская Сибирь. Новосибирск. 1941. 13 авг.
- Советская Сибирь 1941b – Всеславянский митинг в Москве // Советская Сибирь. 1941. 14 авг.
- Советская Сибирь 1941c – Зарубежные отклики на всеславянский митинг в Москве (ТАСС) // Советская Сибирь. 1941. 17 авг.
- Советская Сибирь 1941d – Зарубежные отклики на всеславянский митинг в Москве (ТАСС) // Советская Сибирь. 1941. 19 авг.
- Советская Сибирь 1942 – Второй всеславянский митинг в Москве // Советская Сибирь. 1942. 8 апр.
- Тарле 1941 – *Тарле Е.В.* Германский фашизм и славянские народы // Советская Сибирь. 1941. 5 авг.
- Фоминых 1998 – *Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Литвинов А.В.* Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
- ЦДНИ ТО 1 – Центр документации новейшей истории Томской области (далее ЦДНИ ТО). Ф. 1078. Оп. 1. Д. 4. Переписка по вопросам: о местных природных ресурсах, об установлении связи комитета с предприятиями области и др.

ЦДНИ ТО 2 – ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 1. Информация комитета ученых о работе и переписка с всесоюзным комитетом по делам высшей школы, с Р.С. Землячкой и др.

Ярошевский 1941а – *Ярошевский Э.Н.* Века борьбы и славы // Красное знамя. 1941. 11 нояб.

Ярошевский 1941б – *Ярошевский Э.Н.* Великие полководцы русской земли.

1. Александр Невский // Красное знамя. 1941. 20 нояб.

Ярошевский 1941с – *Ярошевский Э.Н.* Великие полководцы русской земли.

2. Дмитрий Донской // Красное знамя. 1941. 2 дек.

Ярошевский 1942а – *Ярошевский Э.Н.* Усилим политико-воспитательную работу среди молодежи // Красное знамя. 1942. 4 янв.

Ярошевский 1942б – *Ярошевский Э.Н.* Родина // Красное знамя. 1942. 1 янв.

Ярошевский 1942с – *Ярошевский Э.Н.* «Кровавое воскресенье» // Красное знамя. 1942. 21 янв.

Ярошевский, Неусыхин, Гриневич 1941 – *Ярошевский Э.Н., Неусыхин А.И., Гриневич К.Э. и др.* К работникам исторического фронта! // Красное знамя. 1941. 23 окт.

REFERENCES

Anokhin, P.K. (1942) Velikiy uchenyy (k 6-letiyu so dnya smerti akademika I.P. Pavlova) [Great scientist (to the 6th anniversary since the death of Academician I.P. Pavlov)]. *Krasnoe znamya*. 26th February.

Bakhrushin, S.V. (1945) Russkiy narod – vydayushchayasya natsiya [The Russians are a great nation]. *Krasnoe znamya*. 11th July.

Beletsky, A.I. (1943) Slava tebe, velikiy gorod Kiyev – lyubimets nashikh narodov! [Glory to you, Kyiv The Great – a favorite of our peoples]. *Krasnoe znamya*. 8th November.

Butakov, I.N. (1944) Vnesem vklady v fond pobedy [Let us contribute to the Victory Fund]. *Krasnoe znamya*. 20th February.

Vilnin, D. (1941) Razgrom nemetskoj armii Vil'gel'ma v period pervoy imperialisticheskoy voyny [The defeat of the German army of Wilhelm during the First Imperialist War]. *Krasnoe znamya*. 27th July.

Grinevich, K.E. (1944) Nemtsy za vse otvetyat [The Germans will pay for everything]. *Krasnoe znamya*. 28th January.

Dostal, M.Yu. (2001) Slavyanskaya ideya i slavyanovedenie v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Slavic idea and Slavic studies during the Great Patriotic war]. *Slavyanskiy al'manakh – Slavic Almanac*. pp. 304–319.

Zavarzin, A.A. (1944) Leningrad pobedil [Leningrad has won]. *Krasnoe znamya*. 11th February.

Kartashov, N.I. (1941) Svyashchennyy dolg uchenogo [The solemn duty of scientist]. *Krasnoe znamya*. 6th July.

Krasnoe znamya. (1941a) Plamya patriotizma gorit yarko [The flame of patriotism is burning brightly]. 31st July.

Krasnoe znamya. (1941b) Edinyy front svobodolyubivyykh narodov [United front of freedom-loving peoples]. 2nd August.

Krasnoe znamya. (1941c) Lektsii istorikov [Lectures of historians]. 30th December.

Krasnoe znamya. (1941d) Lektsiya professora Neusykhina [The lectures of Professor Neusykhin]. 28th December.

Krasnoe znamya. (1943a) V zapisnuyu knizhku agitatora. Russkiye pisateli o nemtsakh [To the propagandist's notebook. Russian writers about Germans]. 3rd July.

Kugel, R.E. (1941) Otechestvennaya vojna russkogo naroda protiv Napoleona [The Patriotic War of the Russian people against Napoleon]. *Krasnoe znamya*. 29th June.

Kuznetsov, V.D. (1942) Rabota tomskikh uchenykh v voennoe vremya [The work of Tomsk scientists during the wartime]. *Krasnoe znamya*. 25th October.

Lavrov, S.G. (1942) Patriotizm i zashchita Rodiny v proizvedeniyakh L'va Tolstogo (k 32-letiyu so dnya smerti) [Patriotism and protection of the Motherland in the works by Leo Tolstoy (To the 32nd anniversary of his death)]. *Krasnoe znamya*. 26th November.

Pavlov, G. (1941) Velikiy russkiy poet (Zametki o Lermontove k 100-letiyu so dnya smerti) [The Great Russian poet (Notes on Lermontov. To the Centenary of his death)]. *Sovetskaya Sibir'*. 27th July.

Ryabtsev, I. (1941) Krakh germanskoy okkupatsii na Ukraine v 1918 g. [The collapse of the German occupation in Ukraine in 1918]. *Krasnoe znamya*. 20th July.

Sovetskaya Sibir'. (1941a) Vse slavyane na bor'bu protiv obshchego vraga! (Peredovaya "Pravdy" za 12 avgusta 1941 goda) [All Slavs to the fight against a common enemy (Editorial of "Pravda" for August 12, 1941)]. 13th August.

Sovetskaya Sibir'. (1941b) Vseslavyanskiy miting v Moskve [The All-Slavic Demonstration in Moscow]. 14th August.

Sovetskaya Sibir'. (1941c) Zarubezhnye otkliki na vseslavyanskiy miting v Moskve (TASS) [Foreign responses to the All-Slavic Demonstration in Moscow (TASS)]. 17th August.

Sovetskaya Sibir'. (1941d) Zarubezhnyye otkliki na vseslavyanskiy miting v Moskve (TASS) [Foreign responses to the All-Slavic Demonstration in Moscow (TASS)]. 19th August.

Sovetskaya Sibir'. (1942) Vtoroy vseslavyanskiy miting v Moskve [The Second All-Slavic Demonstration in Moscow]. 8th April.

Tarle, E.V. (1941) Germanskiy fashizm i slavyanskie narody [German fascism and Slavic peoples]. *Sovetskaya Sibir'*. 5th August.

Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Bertsun, L.L. & Litvinov, A.V. (1998) *Professora*

Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar' [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

The Documentation Centre for Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). *Perepiska po voprosam: o mestnykh prirodnnykh resursakh, ob ustanovlenii svyazi komiteta s predpriyatiyami oblasti i dr.* [Correspondence on questions: about local natural resources, establishment of communication of Committee with the enterprises of area, etc.]. Fund 1078. List 1. File 4.

The Documentation Centre for Contemporary History of Tomsk Region (TsDNI TO). *Informatsiya komiteta uchenykh o rabote i pe-repiska s vsesoyuznym komitetom po delam vysshey shkoly, s R.S. Zemlyachkoy i dr.* [Information of the Committee of Scientists on the work and correspondence with the All-Union Committee for Higher Education, with R.S. Zemlyachka, etc.]. Fund 1078. List 2. File 1.

Yaroshevsky, E.N. (1941b) Veka bor'by i slavy [Centuries of struggle and glory]. *Krasnoe znamya*. 11th November.

Yaroshevsky, E.N. (1941b) Velikie polkovodtsy russkoy zemli. 1. Aleksandr Nevskiy [Great warlords of the Russian land. Alexander Nevsky]. *Krasnoe znamya*. 20th November.

Yaroshevsky, E.N. (1941c) Velikie polkovodtsy russkoy zemli. 2. Dmitriy Donskoy [Great warlords of the Russian land. Dmitriy Donskoy]. *Krasnoe znamya*. 2nd December.

Yaroshevsky, E.N. (1942a) Usilim politiko-vospitatel'nuyu rabotu sredi molodezhi [Let us strengthen political and educational work among young people]. *Krasnoe znamya*. 4th January.

Yaroshevsky, E.N. (1942b) Rodina [Motherland]. *Krasnoe znamya*. 1st January.

Yaroshevsky, E.N. (1942a) "Krovavoe voskresen'e" ["Red Sunday"]. *Krasnoe znamya*. 21st January.

Yaroshevsky, E.N., Neusykhin, A.I., Grinevich, K.E. et al. (1941) K rabotnikam istoricheskogo fronta! [To the workers of the historical front!]. *Krasnoe znamya*. 23rd October.

Степнов Алексей Олегович – аспирант исторического факультета, лаборант Лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Aleksey O. Stepnov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: brothe.numb1@gmail.com

Фоминых Сергей Федорович – профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Sergey F. Fominykh – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru